

В.М. Зубарь, Н.А. Сон

НАДГРОБИЕ СОЛДАТА I СУГАМБРСКОЙ КОГОРТЫ ИЗ ХЕРСОНЕСА

Во втором номере журнала «Археология» за 1996 г. Е.Я. Туровским и А.А. Филиппенко было опубликовано надгробие солдата I Сугамбрской когорты, приобретенное Херсонесским заповедником в 1995 г.¹ Это памятник безусловно является важным эпиграфическим источником, который позволяет не только рассмотреть вопросы, связанные с составом римского гарнизона Херсонеса, но и сделать ряд выводов по поводу идеологии его солдат. К сожалению, авторам публикации не удалось правильно интерпретировать как это надгробие в целом, так и надгробную эпитафию Г. Юлия Валента в частности. Поэтому в предлагаемой публикации поставлена задача уточнить интерпретацию этого памятника².

Надгробие представляет собой фрагментарную известняковую плиту, состоящую из двух частей. Ширина плиты – 0,73, толщина – 0,17, сохранившаяся высота – 1,10 м (рис. 1). Верхняя часть стелы выполнена в виде фронтона с акротериями по краям. В тимпане помещен бюст безбородого молодого мужчины. Под тимпаном, в поле плиты, имеются две шестилепестковые розетки и одна – средняя – трехлепестковая, вписанные в круг. Ниже розеток – арка, опирающаяся на пилястры с каннелюрами и капителью. В поле арки, между пилястрами, размещен текст восьмистрочной эпитафии:

*D*M*
*G*IVL*VAA
MIAES*CO---
*I*SVG*VE---
>PAVAIN-
AERES* [V]-
NOBE--
ENTER--

Следует обратить внимание на шрифт надписи, в котором использованы алексированные буквы, встречающиеся как в монументальном, так и актуарном шрифте латинских эпиграфических памятников. Буква G по форме близка актуарному шрифту, который начинает широко использоваться в эпиграфических памятниках не ранее конца II в.³ Весьма показательно и написание буквы L с высоко поднятой вверх и скошенной вниз горизонтальной гаской. Такое написание этой буквы наиболее характерно для довольно позднего времени и рассматривается в качестве показателя

¹ Туровский Е.Я., Филиппенко А.А. Новое надгробие римского солдата с некрополя Херсонеса Таврического // Археология. 1996. № 2. С. 140–143.

² Авторы считают своим приятным долгом выразить сердечную признательность профессору Трирского университета (Германия) Х. Хайнену за помощь при подготовке этой статьи.

³ Sandys J.E. Latin epigraphy. Groningen, 1969. P. 49–50, ср. Hollenstein L. Neue Meilensteininschriften aus Bulgarien // Römische Inschriften – Neufunde, Neulesungen und Neuinterpretationen. Basel, 1995. Bd. 2. S. 181; Avram A., Barbuleșcu M. Inscriptii inedite de la Callatis // Pontica. 1992. 25. P. 204–205. Fig. 25. Подробнее см. Gordon J.S. and A.E. Contributions to the Palaeography of Latin Inscription. Berkeley – Los Angeles, 1957; ср. Huguet B. Epigraphia latina. Barcelona, 1946. P. 15.

Рис. 1. Надгробие Юлия Валента, солдата I Сугамбской когорты из Херсонеса

«вульгарного» стиля в латинской эпиграфике⁴. Причем интересно, что аналогичное написание *L* уже отмечено в латинской эпиграфике Херсонеса в надписи, которую Э.И. Соломоник считает возможным датировать III в. н.э.⁵ В сткк. 1, 2, 4 эпитафии стояли разделители в виде листиков (*hederae distinguentes*). Смешение шрифтов, различное расстояние между буквами и их неодинаковые размеры – все это позволяет заключить, что надпись делалась не профессионалом, а видимо, простым солдатом сослуживцем умершего.

Вне всякого сомнения, перед нами надгробие некоего Г. Юлия Валента. В сткк. 3–4 эпитафии стоит CO I SVG VE, что безусловно может быть интерпретировано как название одного из подразделений вспомогательных войск римской армии – Cohors I Claudia Sugambrorum (Sygambrium) Veterana Equitata⁶. Эта когорта была сформирована из солдат, набравшихся из германского племени сугамбров или сигамбров, в период правления Августа или Тиберия и впервые упоминается Тацитом в связи с событиями, связанными с подавлением фракийского восстания 26–27 гг. (Тас. Анн. IV.74). Впоследствии эта когорта известна по военному диплому 75 г. из Велико Градище (Югославия), а после 86 г. она длительное время базировалась на территории Нижней Мезии. В течение II в. солдаты этого подразделения находились в Месопотамии, а в 134–135 гг. на Ближнем Востоке, где участвовали в подавлении восстания Бар-Кохбы.

⁴ Sandys. Op. cit. P. 51.

⁵ Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 66. № 41.

⁶ Туровский, Филиппенко. Ук. соч. С. 141.

После этих событий когорта снова вернулась в Нижнюю Мезию⁷. К этому можно лишь добавить, что, согласно новому недавно опубликованному военному диплому, эта когорта после возвращения с Ближнего Востока фиксируется на территории Нижней Мезии уже в 145 г.⁸ Исходя из этого есть основания говорить о присутствии данного подразделения вспомогательных войск на территории Нижней Мезии не с 156/157 г., как считалось ранее, а по крайней мере с 145 г.

В. Герасимова в свое время писала, что I Сугамбская когорта дислоцировалась на территории Нижней Мезии до конца II в., а затем была переведена в Сирию, где присутствие ее солдат зафиксировано еще одним военным дипломом⁹. Следовательно, солдаты этой когорты могли входить в состав херсонесской вексилляции, формировавшейся из военнотружущих Мезийской армии, в промежутке между 145 г. и концом II в., когда это подразделение вновь выводится из Нижней Мезии¹⁰. Именно на этом основании Е.Я. Туровский и А.А. Филиппенко датируют памятник последней четвертью II в.¹¹

Однако диплом, на который ссылается В. Герасимова, датируется не концом II в., а 167 г.¹² Таким образом, если исходить из этого, то когорта находилась на территории Нижней Мезии между 145 и 167 годами, и новое надгробие из Херсонеса должно датироваться временем не позднее 167 г.¹³ Но такая датировка надгробия плохо согласуется с некоторыми особенностями эпитафии и ее шрифтом. Поэтому для датировки рассматриваемого памятника необходимо провести его палеографический анализ, сравнив шрифт эпитафии с другими латинскими надгробными надписями из Херсонеса, и только после этого определять его дату.

В начале эпитафии стоит посвящение D(is) M(anibus) в сокращенной форме. Такая формула в римских надгробных эпитафиях появляется только в конце I в. до н.э., а в провинциях фиксируется не ранее периода правления Флавиев, но получает широкое распространение только со второй половины II в. н.э.¹⁴ То же самое можно сказать о разделителях в виде листиков (*hederae distinguentes*). Как установлено, такая форма разделителей в I в. в латинских надписях встречается крайне редко¹⁵, а в эпиграфических памятниках Северного Причерноморья они появляются не ранее второй половины II в. н.э.¹⁶

⁷ Подробнее об истории этой когорты см. Beneš J. *Auxilia Romana in Moesia atque in Dacia*. Praha, 1978. S. 51–52. № 126/89; Герасимова В. Дислокация на римские помощи войски в провинция Мизия от 44 до 86 г. на н.э. // Археология. 1970. 4. С. 24; Sarnowski T. *Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na Północnym wybrzeżu morza Czarnego*. Warszawa, 1988. S. 25. Туровский, Филиппенко. Ук. соч. С. 141–142.

⁸ Торбатов С. Римска военна диплома от 145 г. от Нигринианис, Долна Мизия // Археология. 1996. № 1. С. 26–27; Torbatov S. A New Found Roman Military Diploma from Nigrinianus (Lower Moesia) // *Limes*. Bologna, 1994. P. 159–167.

⁹ Герасимова. Ук. соч. С. 24.

¹⁰ Beneš. Op. cit. S. 51–52. № 126/89; Я. Бенеш считает, что основной лагерь этой когорты на территории Нижней Мезии находился в совр. Михайловграде (ibid. S. 51), а А. Арическу полагает, что основным местом стоянки I Сугамбской когорты в начале правления императора Антонина Пия была Сучидава (*Aricescu A. Armata în Dobrogea Romană*. Bucureşti, 1977. P. 103).

¹¹ Туровский, Филиппенко. Ук. соч. С. 142.

¹² CIL XVI. 106.

¹³ Не исключено также и то, что в военном дипломе из Сирии была упомянута другая Сугамбская когорта (Cohors I Sugambrorum Tironum). Подробнее см. Beneš. Op. cit. S. 52. № 127/90.

¹⁴ Kraft K. *Zur Rekrutierung der Alen und Kohorten an Rhein und Donau*. Bern, 1951. S. 19; *Calabi-Limentani 1*. Epigrafia latina. Milano, 1968. P. 176; Sandys. Op. cit. P. 62, 70, 76, 79, 81; Alföldy G. *Die Personennamen in der römischen Provinz Dalmatia*. Heidelberg, 1969. S. 28; idem. *Die römischen Inschriften von Tarraco*. B., 1975. S. 471; Speidel M., French D. *Bithynian Troops in the Kingdom of the Bosporus* // *Epigraphica Anatolica*. 1985, Heft 6. P. 99. Not. 11.

¹⁵ Cagnat R. *Cours d'épigraphie latine*. P., 1914. P. 28; Gordon J.S. and A.E. Op. cit. P. 183, 227. Not. 3; *Calabi-Limentani*. Op. cit. P. 149; Sandys. Op. cit. P. 54.

¹⁶ IOSPE.1². № 236, 547; Соломоник. Латинские надписи... С. 58–59. № 31; С. 66–67. № 41; Зубар В.М., Антонова Т.А., Савеля О.Я. Надгробок римського кавалериста з околиць Балаклави // Археология. 1991. № 3. С. 103.

Если исходить из указанных особенностей эпитафии и ее шрифта, то можно попытаться приблизительно определить относительную хронологию надгробия Г. Юлия Валента среди других латинских надгробий из Херсонеса. Оно безусловно позже надгробий Валента, солдата V Македонского легиона; Юлия Максима, моряка Мезийского флота; Аврелия Виктора, солдата I Италийского легиона; надгробий братьев-рабов и врачей, убитых таврами¹⁷. По некоторым особенностям шрифта новый памятник ближе всего стоит к надгробиям Гая Валерия Валента, моряка Мезийского флота; Аврелия Прима, солдата XI Клавдиева легиона; Антонии Прокулы; Марка Мецилия, солдата I когорты Бракаров; Л. Аврелия Севера; Сабина, солдата XI Клавдиева легиона; Аврелия Демаса; Юлия Валента (из Балаклавы) и других, которые датируются концом II – первой половиной III в. н.э.¹⁸ Но среди указанных памятников по форме написания очень характерных букв А, G и L надгробие Гая Юлия Валента все-таки ближе всего к эпитафиям Аврелия Сальвиана, трубача XI Клавдиева легиона, Сабина, солдата того же подразделения, Юлия Валента, солдата I алы Атекторигианы и еще одному фрагменту латинской надписи¹⁹. Помимо тождественного написания буквы А, рассматриваемую эпитафию с надгробием из Балаклавы сближают и одинаковые имена умерших. Причем следует особо подчеркнуть, что все указанные памятники датируются концом II – первой половиной III в. К тому же тип надгробной стелы, на которой вырезана эпитафия Г. Юлия Валента, наиболее характерен для периода поздней античности²⁰. Следовательно, есть весьма веские основания относить это надгробие ко времени не ранее конца II в.

Исходя из этого можно утверждать, что солдаты I Сугамбрской когорты, в том числе и Г. Юлий Валент, входили в состав херсонесской вексиляции в тот период времени, когда она находилась в оперативном подчинении XI Клавдиева легиона, на трибуна которого было возложено командование всеми римскими вооруженными силами, расквартированными в Таврике²¹. Замена в Херсонесе солдат I Италийского легиона военнослужащими XI Клавдиева произошла в конце II в. и, видимо, вплоть до 250 г. херсонесская вексиляция возглавлялась офицерами этого подразделения²². Все сказанное, таким образом, свидетельствует, что надгробие датируется тем временем, когда по имеющимся данным I Сугамбрская когорта дислоцировалась на территории Сирии, если, конечно, обнаруженный там диплом связан именно с I Сугамбрской ветеранской когортой, а не с Cohors I Sugambrorum Tironum²³.

Как известно, I Сугамбрская ветеранская когорта целиком или часть ее в начале II в. какое-то время находилась на Ближнем Востоке, а затем в период правления императора Антонина Пия (138–161 гг.) была возвращена в Нижнюю Мезию, где ее пребывание фиксируется дипломами 145 и 156/7 г.²⁴ Учитывая, что диплом 167 г. –

¹⁷ Соломоник. Латинские надписи... С. 43–44. № 13; С. 46–47. № 18; С. 48–49. № 20; С. 49–50. № 21; С. 50–51. № 22.

¹⁸ Там же. С. 34–36. № 7; С. 36–37. № 8; С. 40–42. № 11; С. 53–54. № 24; С. 54. № 25; С. 56–57. № 29; С. 57–58. № 30; С. 58–59. № 31; С. 59–60. № 32; С. 60–61. № 33; С. 66. № 40; С. 66–67. № 41; С. 67–68. № 42; С. 73–74. № 52; Зубар В.М. Нотатки з латинської епіграфіки Херсонеса і Харакса // Археологія. 1990. № 2. С. 107–110; Зубар, Антонова, Савеля. Ук. соч. С. 102–108; Зубар В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994. С. 56; Зубар В.М., Антонова И.А. Новый фрагмент латинского напису з Херсонеса // Археологія. 1996. № 1. С. 91–92; ср. Соломоник Е.І. Латинські написи з Ялтинського музею // Археологія. 1978. Вып. 27. С. 70–71.

¹⁹ Соломоник. Латинские надписи... С. 58–59. № 31; С. 59–60. № 32; С. 73–74. № 52; Зубар, Антонова, Савеля. Ук. соч. С. 102–108.

²⁰ Ср. Bordenace G. Temi e motivi della plastica funeraria de la eta Romana nella Moesia Inferior // Dacia. 1965. Т. 9. Р. 253–281; Gabelmann H. Die Typen der römischen Grabstelen am Rhein // Bonner Jahrbücher. 1972. Bd 172. S. 68–80.

²¹ Подробнее см. Зубар В.М. Новый латинский напис з Болгарії і деякі питання історії Таврики // Археологія. 1991. № 1. С. 119–123.

²² Зубар В.М. Септимий Север и Северное Причерноморье // ВДИ. 1993. № 4. С. 42–43; он же. Херсонес Таврический... С. 51–52, 126.

²³ Подробнее см. Beneš. Op. cit. S. 52. № 127/90.

²⁴ Герасимова. Ук. соч. С. 24; Beneš. Op. cit. S. 51.

последний точно датированный источник по истории двух первых Сугамбрских когорт, а новое херсонесское надгробие, вне всякого сомнения, следует относить ко времени не ранее конца II в., можно заключить, что после пребывания на территории Сирии I Сугамбрская когорта вновь была возвращена в Нижнюю Мезию, а ее солдаты вместе с военнослужащими XI Клавдиева легиона и других вспомогательных подразделений несли гарнизонную службу в Херсонесе. Если же в дипломе из Сирии упоминается другая Сугамбрская когорта, то есть основания предполагать, что I Сугамбрская ветеранская когорта вообще не покидала территорию Нижней Мезии. Если эти соображения верны, то надгробие Г. Юлия Валента из Херсонеса представляет собой пока наиболее поздний из известных памятников, который может быть связан с этим подразделением вспомогательных войск римской армии.

В стк. 5 эпитафии Е.Я. Туровский и А.А. Филиппенко знак > совершенно справедливо определили как обозначение центурии. А всю строку восстанавливают как (centuria) Paulin(i) и переводят: солдат «центурии Павлини». Но, во-первых, при таком переводе слово «центурия» следует поставить в родительном падеже – centuriæ. Как и во многих латинских воинских эпитафиях, название центурии образовано от личного имени, в данном случае – Paulinus²⁵. Более правильно по-русски это место эпитафии должно быть переведено как «центурия Паулина (или Павлина)», а не «Павлини».

В организационном отношении римский гарнизон Херсонеса представлял собой вексилляцию, сформированную из подразделений Мезийской армии²⁶. Однако принципы, лежавшие в основе комплектования вексилляции из военнослужащих различных подразделений римской армии, ввиду отсутствия прямых источников, не ясны. В связи с этим следует обратить внимание на упоминание в надгробиях Г. Юлия Валента, солдата I Сугамбрской когорты, и Марка Мецилия, солдата I когорты Бракаров, названия определенной центурии²⁷, а в надгробии кавалериста алы I Атекторигианы – турмы²⁸, тактических единиц этих подразделений, что требует своего объяснения. Если бы небольшие группы военнослужащих различных подразделений были включены в херсонесскую вексилляцию просто как солдаты, то в их надгробиях, как в ряде аналогичных памятников из Херсонеса, было бы указано, что они солдаты того или иного воинского подразделения. В отмеченных трех случаях в надгробных эпитафиях специально оговорено: они принадлежали именно к определенным центуриям и турме. Это позволяет предположить, что в состав херсонесской вексилляции из состава I когорты Бракаров и I Сугамбрской когорты были включены целые центурии, а из состава алы I Атекторигианы – по крайней мере одна турма. Если это так, то херсонесская вексилляция состояла не просто из солдат различных подразделений, а из ряда тактических единиц, выделенных из состава вспомогательных войск Мезийской армии.

I Сугамбрская когорта была смешанной (Equitata) – т.е. состояла из 800 пехотинцев и 256 кавалеристов²⁹. Однако на основании опубликованного надгробия нельзя предполагать, что именно кавалеристы этого подразделения дислоцировались в Херсонесе³⁰. Как сказано в эпитафии, Г. Юлий Валент был солдатом (miles) центурии и,

²⁵ Bohes Yann Le. Die römische Armee. Stuttgart, 1993. S. 13; Mócsy A., Feldmann R., Marton E., Szilagyi M. Nomenclator provinciarum Europae Latinarum et Galliae Cisalpinæ cum indice inverso. Budapestini, 1983. S. 217.

²⁶ Зубарь. Херсонес Таврический... С. 57–60.

²⁷ Соломоник. Латинские надписи... С. 60–61. № 33; Зубар В.М. Нотатки... С. 110; ср. CIL XIII. 7039, 11947; Collingwood R., Wright R. The Roman Inscriptions of Britain. V. I. Oxf., 1965. № 279, 577, 578; Holder P.A. Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augustus to Trajan. Oxf., 1980. P. 298. № 1061; P. 308. № 1461, 1463, 1464; P. 312. № 1661; P. 314. № 1737, 1741; P. 321. № 1961; P. 327. № 2231; Speidel M. Campanische Kohorte und Legionsreiter. Zwei Soldatengrabsteine aus Amastris // Römische Inschriften – Neufunde, Neulesungen und Neuinterpretationen. S. 124 и др.

²⁸ Зубар, Антонова, Савеля. Ук. соч. С. 107; ср. CIL III. 3400, 4372, 110083; XIII. № 8096, 8303–8305, 8308, 8311, 8558; Collingwood, Wright. Op. cit. № 403, 1172; Holder. Op. cit. P. 284. № 634; P. 290. № 813; P. 291. № 832 и др.

²⁹ Davies R.W. Cohortes Equitatae // Historia. 1971. V. 20. P. 751–763; Holder. Op. cit. P. 9, 88; Keppie L. Making of Roman Army. From Republic to Empire. New Jersey, 1984. P. 184.

³⁰ Туровский, Филиппенко. Ук. соч. С. 142.

следовательно, вне всякого сомнения, пехотинцем. В тех случаях, когда надгробия ставились конникам из состава смешанных когорт, в эпитафиях, как правило, указывалось название не только когорты, но и турмы³¹, или же род его военной деятельности – «всадник когорты такой-то»³².

В стк. 6 надписи стоит *aeges*. Его, видимо, следует интерпретировать исходя из значения слова *aes*, которое во множественном числе, *aega* среди многих значений переводится и как «военная служба». Наряду с *militavit* и *stipendia* в надгробных эпитафиях термином *aega* обозначался срок военной службы³³. Причем, некоторые исследователи подчеркивают, что особенно часто такая форма зафиксирована на территории Испании³⁴. Однако в рассматриваемой надписи неправильно воспроизведено множественное число от слова *aes*. Скорее всего резчик не задумывался над тем, что слово *aes* – среднего рода и написал наиболее распространенное в третьем склонении окончание мужского или женского рода во множественном числе. Таким образом в эпитафии и появилось слово *aeges*. Причем, окончание *es* принадлежит и именительному, и винительному падежам. Судя по контексту надписи, *aeges* стоит в винительном падеже. Попутно отметим, что в латинских эпиграфических памятниках встречаются и другого рода неточности в написании множественного числа слова *aes*. В ряде случаев оно ошибочно отнесено ко второму склонению, и родительный падеж множественного числа имеет форму *aerorum*³⁵.

В надписи после *aeges* сохранилась верхняя часть буквы или цифры V, а в начале следующей строки NO. Если исходить из того, что AERES может быть интерпретировано как «военная служба», то после него должна была стоять цифра, начинавшаяся скорее всего на V, а окончание стк. 6 и начало стк. 7 может быть восстановлено как [AN]NO. Учитывая место, остающееся для утраченных букв в стк. 6 в предложенном восстановлении, здесь, видимо, стояло VI, VII или VIII, что хорошо согласуется с изображением бюста безбородого, сравнительно молодого мужчины в тимпане фронтона. Что касается восстановления ANNO, то такая форма, наряду с классическим ANNIS, часто встречается в латинских эпитафиях³⁶. Форма ANNOS зафиксирована в значительном количестве эпитафий позднеантичного времени, обнаруженных на территории Дунайских провинций Римской империи³⁷.

В стк. 8 надписи стоят буквы ENTE, сохранившиеся от слова [MER]ENTE, и P. Исходя из того, что в стк. 5 стоит название центурии в именительном падеже единственного числа, восстанавливать окончание надписи следует также в единственном числе. В эпитафии отсутствует указание на то, кто конкретно поставил надгробие. Поэтому, судя по конструкции эпитафии, можно заключить, что надгробие Г. Юлию Валенту было поставлено не частным лицом, а именно центурией.

Известно, что в римских воинских подразделениях повсеместно существовали общественные кассы (*saccus undecimus*), которыми руководили сигниферы когорт, а со времени Септимия Севера они были переданы в ведение специальных принципалов³⁸. Солдаты вносили в такие кассы деньги, которые шли на различные общие нужды, в том числе и на захоронение членов таких касс, так как в эпоху империи цена погребения солдата в зависимости от обстоятельств и места колебалась в пределах от

³¹ CIL III. 3256, 9739; VIII. 9377, 21040; Holder. Op. cit. P. 301. № 1211; P. 304. № 1311.

³² CIL XIII. 7050; XVI. 33, 84 и др.

³³ Cagnat. Op. cit. P. 378; Cohen H., Egbert J.C., Cagnat R. Latin Epigraphy II. The Coin-Inscription and Epigraphical Abbreviations of Imperial Rome. Chicago, 1982. P. XVIII; Bohec Yann Le. Op. cit. S. 13; Cp. Collingwood, Wright. Op. cit. P. 66. № 201; Holder. Op. cit. P. 273. № 391; P. 275. № 451, 453; P. 272. № 351; P. 289. № 801 и др.

³⁴ Bohec Yann Le. Op. cit. S. 13.

³⁵ Thesaurus linguae latinae. V. I. Lipsiae, 1900. Sp. 1076, *aes militare*; Holder. Op. cit. P. 275. № 451.

³⁶ Sandys. Op. cit. P. 63.

³⁷ См. IDR. 1977. II. P. 159. № 350; III. P. 111. № 86; ISM. 1987. II. P. 204. № 177; P. 313. № 349; IDR. 1988. IV/4. P. 149–152. № 96; Зубар, Антонова. Новый фрагмент... С. 92.

³⁸ Parker H.M.D. The Roman Legion. N.Y.. 1958. P. 219; Зубарь В.М. К пониманию IOSPE². I². 550 // ВДИ. 1989. № 2. С. 126.

одной до двух тысяч сестерций³⁹. Поэтому вполне логично предположить: отсутствие в надгробной эпитафии упоминания лица, поставившего надгробие, объясняется именно тем, что оно было сооружено на средства кассы центурии, а фактически на деньги самого Г. Юлия Валента.

Следовательно, в конце надписи скорее всего стояло *be[ne mer]ente p[osuit]* в единственном числе. Судя по количеству букв, которые могут быть размещены в последней строке в предложенном восстановлении, в конце надписи должно было стоять еще какое-то слово или скорее всего сокращение. Сейчас трудно уверенно реконструировать окончание эпитафии, но, исходя из приблизительного количества букв, для которых остается место в этой строке, рискнем предположить, что там могло стоять сокращение *TIT* от *TITULUS*⁴⁰. Предлагаемый вариант восстановления окончания хорошо согласуется с общим содержанием эпитафии и с аналогичным восстановлением окончания эпитафии надгробия Аврелия Демаса, предложенным после находки его нового фрагмента в самое последнее время⁴¹.

И наконец, следует обратить внимание на то, что вместо классической формы *bene merenti* в дативе, которая обычно встречается в латинских надгробиях повсеместно, в херсонесской эпитафии вырезано *merente*. Грамматически это форма аблятива. Попутно следует отметить, что смещение окончаний *E* и *I* в слове *merente* обычное явление в латинских надписях с территории Нижней Мезии⁴².

На основании всего изложенного, как представляется, эпитафия может быть реконструирована следующим образом:

D(is) M(anibus)
G(aius) Iul(ius) Val(ens)
miles co[h](ortis)
I Sug(amborum) Ve[t](eranae)
(centuria) Paulin[i]
aeres [V--- an]
no be[ne mer]
ente p[osuit tit(ulum)?]

Перевод: «Богам Манам. Гай Юлий Валент, солдат I Сугамбурской ветеранской когорты, Центурия Паулина (или Павлина) (за) военную службу (в течение) V — лет, хорошо заслужившему поставила (надгробный памятник?)».

Надгробный памятник Г. Юлия Валента, на котором была вырезана эпитафия, представлял собой прямоугольную стелу, верхняя часть которой была выполнена в виде фронтона с акротериями. В тимпане был помещен схематически выполненный бюст безбородого молодого мужчины, в котором, видимо, можно видеть суммарно выполненное изображение погребенного. Под тимпаном на надгробии изображены две шестилепестковые и одна трехлепестковая розетки, а сама эпитафия вырезана в поле, расположенном под аркой, опиравшейся на каннелированные колонны с капителью.

Сразу следует отметить, что уже само по себе надгробие достаточно необычно. Эпитафия умершего начинается традиционным обращением к римским богам подземного мира — *D.M.*⁴³. Однако другие элементы оформления надгробия плохо

³⁹ Duncan-Jones R. The Economy of the Roman Empire. Cambr.. 1974. P. 86.

⁴⁰ Ср. Sandys. Op. cit. P. 309; IDR. 1977. II. P. 77. № 134; P. 251. № 648; III. P. 115–116. № 32; P. 184. № 157; P. 233. № 269; III/2. P. 123. № 120; P. 322. № 382; P. 350. № 413; P. 383. № 448; 1988. IV/4. P. 50. № 50; P. 114. № 147; P. 149–153. № 196; P. 154. № 198; ISM. 1980. V. P. 267. № 250; 1987. II. P. 262. № 266; P. 288. № 303 и др.; Соломоник. Латинские надписи... С. 45–46. № 15; С. 68. № 42; С. 70. № 45.

⁴¹ Зубар, Антонова. Ук. соч. С. 92.

⁴² См. CIL III. 2044; ISM. 1987. II. P. 310–311. № 346 (182).

⁴³ О культах солдат римской армии см. *Plut. Brut.* 39; *Suet. Nero.* 13; *Tac. Ann.* 15, 29; *Hist.* I. 55; Domaszewski A. Die Religion des römischen Heeres // *Westdeutsche Zeitschrift.* 1902. Jahr. 14. S. 1–124;

согласуются с традиционно римскими воззрениями на потусторонний мир. Лицевая сторона надгробной стелы обрамлена каннелированными пилястрами и увенчана треугольным фронтоном. Колонны и арка на этой стеле должны были символизировать храм, что самым тесным образом связано с апофеозом умершего и развитием верований, связанных с бессмертием души⁴⁴. Это хорошо согласуется с изображением в тимпане бюста безбородого мужчины, скорее всего умершего. Если сравнить расположение бюста на надгробии Г. Юлия Валента из Херсонеса с изображением женского божества в тимпане на стеле начала III в. из Танаиса, как впрочем и других аналогичных памятников⁴⁵, то не останется сомнений в том, что в херсонесском памятнике умерший представлен в виде героя или даже божества. Причем интересно, что в данном случае умерший изображен не под треугольным фронтоном, как это имело место на херсонесских стелах с изображением загробной трапезы, также связанной с героизацией умершего, и подавляющем большинстве боспорских надгробий первых веков⁴⁶; а именно в тимпане, над аркой.

В связи с этим следует обратить внимание на две шестилучевые и одну трехлучевую розетки, вырезанные над фронтоном в поле надгробия. Э.И. Соломоник отмечала, что такие розетки на надгробных памятниках могли носить не только декоративный характер, но и были связаны с учениями о бессмертии души, как это имело место на стеле Парфенокла из Херсонеса⁴⁷. Изображение умершего в тимпане на надгробии Г. Юлия Валента и близость стилистического исполнения розеток на нем с шестилучевыми розетками на стеле Парфенокла убеждают в том, что в данном случае они выполняли роль астральных символов и были связаны с учениями о бессмертии души⁴⁸. Согласно верованиям, быстро распространившимся в конце II–III в. на территории Римской империи, звезды определяли срок жизни всякого человека на земле, а после смерти на звезды, ввысь, возвращалась бессмертная душа умершего для продолжения жизни⁴⁹.

Необходимо подчеркнуть, что это третье латинское солдатское надгробие из Херсонеса, которое можно связать с аналогичным кругом религиозных представлений. Два других представлены надгробием Марка Мецилия, солдата I когорты Бракаров, с изображением серпа луны в тимпане, и надгробием, поставленным солдату наследником Публием Лукомом, на котором изображены символические врата неба⁵⁰. Причем все эти памятники относятся к концу II–III в., что служит еще одним весомым аргументом в пользу предложенной датировки рассматриваемого надгробия.

Таким образом, надгробная стела Г. Юлия Валента не только является новым важным источником по истории I Сугамбской когорты, в том числе и по вопросу о присутствии солдат этого подразделения, ранее не известного в составе херсонесской вексилляции, но и свидетельствует о распространении в римской армии в конце II–III в. сложных, порой непоследовательных синкретических представлений, связанных с бессмертием души. Эти учения на территории Римской империи, в первую очередь,

Richmond J.A. The Roman Army and Roman Religion // *Bulletin of the John Ryland Library*. 1963. 45. P. 185–197; Harris E. and J.R. The Oriental Cults in Roman Britain. Leiden, 1965; Birley E. The Religion of the Roman Army // *The Roman Army. Papers 1929–1986*. Amsterdam, 1988. P. 397–432.

⁴⁴ Зубарь В.М. О некоторых аспектах идеологической жизни населения Херсонеса Таврического в позднеантичный период // *Обряды и верования древнего населения Украины*. Киев, 1990. С. 63–64.

⁴⁵ Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. М., 1972. С. 281. Прим. 177; Болтунова А.И. О культе женского божества в Танаисе // *КСИА*. 1991. 204. С. 46–49. Рис. 1.

⁴⁶ Зубарь. О некоторых аспектах... С. 63–64; Митковская Т.А. Особенности композиционного решения боспорских надгробных рельефов первых веков н.э. // *Население и культура Крыма в первые века н.э.* Киев, 1983. С. 114–136.

⁴⁷ Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 216; ср. она же. Метрическая эпитафия III в. н.э. (K IOSPE. I². 716) // *ВДИ*. 1964. № 4. С. 143.

⁴⁸ Cumont F. *Recherches sur le symbolisme funéraire des Romains*. P., 1942. P. 209.

⁴⁹ Подробнее см. Соломоник. Новые эпиграфические памятники... С. 217; Зубарь. О некоторых аспектах... С. 75–79.

⁵⁰ Соломоник. Новые эпиграфические памятники... С. 219; она же. Латинские надписи... С. 66–67. № 41.

выразились в широком распространении на протяжении II–III вв. веры в апофеоз простых людей⁵¹, в том числе, как свидетельствует новое херсонесское надгробие, и рядовых солдат.

A GRAVESTONE OF A SOLDIER OF THE FIRST
SUGAMBRIAN COHORT FROM CHERSONESUS
TAURICA

V.M. Zubar, N.A. Son

In 1995 the Museum of Chersonesus purchased a fragmented gravestone of a soldier of the 1st Sugambrian Cohort. It was published by Ye.Ya. Turovsky and A.A. Filippenko who failed to give a satisfactory interpretation of the monument.

The text of the epithaph can be reconstructed as follows: D(is) M(anibus)/G(aius) Iul(ius) Val(ens)/miles Co[h](ortis)/I Sug(ambrorum) Ve[t](eranae)/(centuria) Paulin[a]/aeres[Y – an]/no be[ne mer]/ente p[ro]sui[t] tit[ul]um[us]?)

Translation: «To the gods Manes. Gaius Julius Valens, Soldier of the 1st Sugambrian Cohort. Centuria Paulina erected (the gravestone –?) to him, according to his deserts, for 5 years military service». According to its script, the epitaph is to be dated back to late 2nd – 1st half of the 3rd c. AD, and is the first source attesting this regiment's presence in the North Pontic Area.

The Roman garrison of Chersonesus was a vexillation, but the principles according to which it was formed are not clear. This gravestone, as well as other Latin gravestones mentioning veteran centurias and turmas, makes conclude that not single soldiers, but whole units were sent from auxiliary regiments of the Moesian Army to serve in Chersonesus.

The gravestone is also unusual in another respect. On the basis of some formal peculiarities and the astral symbolism it bears, the monument is to be considered an important source on the spread of the teaching about soul's immortality in the 2nd – 3rd cc. AD. This is the 3rd Latin soldier's gravestone from Chersonesus to be connected with this kind of religious beliefs. Complex and inconsequent, sometimes syncretic beliefs connected with the idea of soul's immortality, were reflected in the 2nd–3rd cc. AD on the territory of the Roman Empire in the widespread motif of apotheosis of common people, among them, as the gravestone shows, rank-and-file soldiers.

⁵¹ Cumont F. *After Life in Roman Paganism*. N.Y., 1959. P. 111–119; Nilsson M.P. *Geschichte der griechischen Religion. Hellenistische und römische Zeit*. München, 1961. Bd 2. S. 602; Зубарь. О некоторых аспектах... С. 77.